

Низа Ильд Евар На пределе фантазии

текст предоставлен издательством "Эра"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3356715
Низа Ильд Евар. На пределе фантазии: Эра; Москва; 2011
ISBN 978-5-905016-24-0

Аннотация

Главный герой книги родился на юге, в пустыне, попрос в местах севернее, где и горы, леса и зима со снегом. Ходил в школу, находил друзей. Служил в армии, после работал, любил. Переживал всё те же проблемы, что встречаются в жизни каждого.

И всё бы вроде обычно, если бы не это состояние «На пределе фантазии», в котором, он всегда находился, как сам, так и другие герои, встречавшиеся на его пути.

В романе присутствует драма, немного юмора, мистика и даже капелька фантастики. Здесь каждый найдёт для себя, что-то личное, близкое для себя.

Содержание

Появление на свет	4
Горноград	9
С привычкою мечтать	13
Долг чести	17
Душка-часть	21
Служба караульная	25
Как-то в части	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Низа Ильд Евар На пределе фантазии

*Не жил я, а жить хочу
И лишь страданья
и мученье
Как никому, а мне уроду;
И жить пытаюсь по иному,
и суть свою черкая на бумаге
Я убегал тем самым,
что ни на есть обманом,
в далёкую планету
Своих фантазий,
что излагал в уме
Но разве знал, наивный,
про ту, иную
Иную жизнь, там вдалеке...*

Появление на свет

Стоны роженицы разнеслись по коридорам этого серого, унылого, ветхого двухэтажного здания, именуемого в Уркмантуре роддомом. Двери и окна во всех палатах и парадной были открыты из-за знойной жары, стоящей в это время года. Так что стоны были хорошо слышны и за пределами здания, уносясь в пустыню, которая была повсюду. Встрепенулся даже верблюд, проходивший мимо со своим хозяином-стариком, – тот шёл впереди, держа скотину за уркмантурскую уздечку, проходящую промеж ноздрей двухгорбого. Хозяин обернулся на обеспокоенного верблюда, тут же получив от последнего смачный и увесистый плевок во всю физиономию; слюна упала на песок, быстро скатившись по лицу старца, и лишь на усах и бороде остались небольшие следы. Веткой ударив плеваку по шее, старик громко ругнулся по-своему, вытер остатки слюны рукавом халата, поправил покосившуюся набок тубетейку, потянул уздечку посильнее и быстро, с большим усердием, повёл своего верблюда дальше.

Но вернёмся к стонам и зданию, откуда они раздавались. Этот особняк, несмотря на свою ветхость, был лучшим зданием во всём Уркмантуре, – не зря же уркмантуряне оборудовали его под роддом. Пациенток в нём было всего трое, и одна из них уже была в процессе. Вот и последний стон роженицы унесся по коридорам, и свободно вылился через открытые окна и двери в пустыню – к тому самому верблуду. Но на этот раз, находясь уже на приличном расстоянии от источника шума, он лишь краем уха уловил дошедший до него звук, и вильнул хвостом, – то и была вся его реакция. Хозяин же ругнулся в очередной раз, проклиная не то своего верблюда, не то издающую те стоны, или даже того, из-за кого они были.

– Ещё... Ещё... А теперь тихонько... Вот он! Умничка, – произнес доктор-акушер, поднимая вверх дитя, наконец-то появившееся из лона роженицы, и переставшее доставлять боль своей матери.

Вторя словам доктора, по коридорам разнёсся крик новорожденного. Но тот старец и его верблюд уже вряд ли услышали эти крики, находясь совсем далеко; тогда как акушер и две медсестры продолжали привычно заботиться о матери и её малыше.

– Кто это: девочка, мальчик? – придя в себя, тихо спросила женщина.

– Мужик, – ответил доктор.

– Мальчик, мальчик! – подтвердила медсестра, обтирая младенца.

– Можно?..

– Конечно. – После всех нужных процедур медсестра обернула дитя в простынку, и подала его матери.

Но в этот момент у новорождённого закружилась голова, всё поплыло; и не успел он ещё надышаться, привыкнуть к краскам этого мира, его звукам, живым существам в белых халатах, стоящим вокруг, как его стало уносить куда-то вверх. И это произошло так быстро, что палата, в которой он появился, как и люди в ней, остались лишь маленькой, белой, светлой точкой где-то далеко внизу, а повсюду оказалась тьма и непонятный холод, от которого, впрочем, малыш не мёрз. Но тот всё равно неуклонно сковывал, притупляя всю чувствительность нежного обнажённого тельца.

– Где это я? – проворковал малыш.

– Рано! – нечто ответило ему, и всё потухло.

Абсолютная темнота, безмолвие, и – никаких ощущений. Что-то будет дальше?..

Носик чем-то зажат, а во рту трубка. Свет ослепил глазёнки младенца; прищуриваясь, он приоткрыл их: над ним зависла прозрачная призма, и сквозь неё он увидел белый-белый потолок и стены, едва уловимые контуры углов комнаты и слегка приоткрывшейся двери, откуда доносились какие-то голоса. Сам малыш находился под куполом, но даже и под ним ощутил что это – совсем другое место; не то, где он появился впервые. Едва родившись, кроха чуть не потерял жизнь – сознание покинуло его, пульс стал реже биться, и тогда уркмантурские врачи решили экстренно отправить новорожденного в областную, – Ашкентскую больницу, где условия и врачи были лучше.

Дверь в палату открыли, и, как-то не соответствуя той атмосфере порядка и ухоженности, присущей современной Ашкентской больнице, заскрипели шарниры, на которых она держалась.

– Надо смазать или поменять навесы! – заметил главный врач, вошедший в палату с обходом.

– Я прослежу, чтобы это исправили, – ответил вошедший следом дежурный врач.

– Так, и кто у нас тут?

– Этого ребёнка нам доставили с Уркмантура. Патология в лёгких: врожденная диафрагмальная грыжа, – ответил дежурный врач, подходя к столу, где под куполом лежал малыш.

«Что это вы на меня так глазеете?» – подумал малыш, увидев зачем-то склонившихся над ним дяденек, загородивших свет.

– Что скажете – нужно оперировать?..

– Пока ребёнок очень слаб: его поддерживает только аппарат. Но если его состояние улучшится, что вполне может произойти, тогда операция возможна.

– Анализы повторно.

– Возьмём.

– Посмотрим, есть ли смысл медлить...

– Понятно.

В этот момент в палате что-то запищало.

«Эй, дяденьки, вы куда!» – огорчился малыш.

– Сестра!

– Я здесь! – Вбежала в палату медсестра, ожидавшая за дверью.

– Быстрее! Каталку!

– Бегу!

– И пусть операционную готовят! У нас тут тяжёлый случай... – последние слова главврач выговорил с тяжёлым вздохом.

«Что это они?» – не понимал малыш, лишь краем глаза видя суету у соседнего стола, где были аналогичный купол и аппаратура, когда крохотный младенец воспарил над куполом.

«Ой, кто это?» – от лёгкого испуга новорожденный округлил глаза. «Девочка... А откуда я знаю, что бывают девочки?!»

Невероятно любопытный малыш потянул головку чтобы посмотреть, что находится в районе его собственных ступней:

«Точно, девочка!»

«Полетели вместе!»

«Да я как-то высоты побаиваюсь... Может, не надо?... Здесь спокойнее».

«Ничего, привыкнешь, полетели!»

В палату быстро закатили каталку, а за ней вошло ещё несколько человек в таких же белых халатах, как и предыдущие. Люди переложили в неё младенца, подхватили аппаратуру, и выкатили каталку из палаты. Дверь закрылась.

– Может, тебе надо с ними?..

– Нам вдвоём будет интереснее! – не унималась девочка.

– Давай в следующий раз!

– Ну, как хочешь... А двери больше скрипеть не будут! – произнесла крохотуля. Подлетев к навесам, она провела по ним рукой, и исчезла в стене.

А малыш остался один на один со своими мыслями и впечатлениями о первом дне, проведенном в Ашкентской больнице. Веки его сомкнулись, унося в сладкий детский сон. И пока он спал, глубокой ночью, его тихо забрали в операционную.

Операция прошла успешно: выпятившиеся в грудную клетку органы вправили на место, сделали пластику диафрагмы, – патология была исправлена, и теперь жизни малыша с этой стороны уже ничего не угрожало.

Был яркий солнечный день, когда, после пятимесячного пребывания в больнице, наконец-то полностью выздоровевшего малыша забрали. Белые стены Ашкентских зданий и сухой серый асфальт лишь прибавили торжественности моменту. И вдруг с неба повалили малюсенькие снежинки, – точно так, как летом каплет сквозь лучи солнца дождик. Снежинки падали на асфальт и одежду людей; едва коснувшись, они таяли.

– Последний снег уходящей зимы, – сказал один из прохожих, посмотрев на небо.

Родители ещё крепче укутали малыша, быстро спускаясь по лесенкам парадного входа больницы; с пересадкой добрались на автобусе до вокзала, где и сели на электричку, шедшую через Уркмантур.

Они вернулись в родной посёлок посреди пустыни, и жизнь их пошла своими неспешными шагами. Время шло, и малыш подрастал. Данное ему при рождении имя было: Прокл; быть может, немного необычное и даже странное... Ну, да что поделывать – таков оказался его удел.

* * *

Детсады в Уркмантуре были. В один из них по будням и отдавали подросткового на несколько годочков Прокла, а вечером забирали обратно. Сами же родители были заняты каждый своим: отец бурил скважины в песках пустыни в поисках воды; мать же работала на фильтровальной фабрике, где и определяли дальнейшее предназначение той самой драгоценной жидкости. Фабрика пускала воду по городскому водоканалу, а также на технические нужды двух заводов, что имелись в Уркмантуре, – по добыче золота и по производству стекла. А ещё эта фильтровальная фабрика выпускала сладкую газированную шипучку в

стеклянных бутылочках, так нравившуюся Проклу. Когда он пил её, исходящий из напитка газ щекотал полость носа, уходя дальше, под лобную кость, и это приводило его в состояние, близкое к эйфории. В садике этим напитком угощали раз в день.

«Как вкусно! Только мало...» – подумал Прокл, допивая последний глоток шипучки.

– Так бы и пила газировку весь день! – произнесла девочка, стоявшая за спиной Прокла – она была из одной группы с ним.

– Когда вырастем, пойдём вместе работать на фильтровальную фабрику? – предложил Прокл обернувшись, и заворожено уставившись на белокурого синеглазого ангелочка.

– Да, вот тогда мы точно будем весь день пить газировку... Но не с тобой, – мы уже с Васильком договорились, что будем работать там главными начальниками! – ответила синеглазка.

– Василёк! Василёк!

– Кто-то меня зовет? – Крупный и упитанный мальчишка, с довольно увесистыми кулачками для детсадовского ребёнка, появился рядом с ними.

– Я просто разговаривал со Светиком... – немного заикаясь, ответил Прокл.

– Ты пьявка. Сморчок! – произнёс Василёк, шагнув к Проклу и толкнув его, отчего тот упал на песок. – Разговаривал он! Теперь болтай тут с кем хочешь, понял?!

– Понял!

– Пошли, Светик, лучше на качелях покатаемся! Что здесь интересного?

– Ничего! Тут и нет никого... Качели – это клёво! Побежали! – ответила синеглазка, радостно помчавшись к качелям; неуклюже передвигая ногами, Василёк потопал за ней. Там они быстро упростили качавшегося ребёнка, и заняли его место.

– Да, наверное не получится работать на фильтровальной фабрике вместе со Светиком, – сидя на песке с пустым стаканчиком в руке, рассудил Прокл, рассматривая игровую площадку детсада, на которой находилась их группа.

– Детишки, всем собраться! Идём обедать! – прокричала воспитательница, появившись на площадке.

Детвора сбежалась в кучу и, взявшись парами за ручки, последовала в столовую детсада. Сегодня давали фасолевый суп с гренками, – объедение, на второе было пюре с котлетой, и сладенький компот на третье. Славно отобедав, детишки отправились на тихий час. Ложась в свою кроватку, Прокл уже и не вспоминал о неприятном инциденте на игровой площадке; он уходил, уплывал в страну грёз, ярких и красочных детских снов.

Первое детство, куда ты бежишь?.. Когда ещё ты только научился ходить и говорить, всё еще вокруг так красочно и ярко... И даже серый Уркмантур, старенькие его дома, некрасивые заводы, обнесённые высоченными заборами с колючей проволокой и – хозяйка пустыня, куда не глянь, – все это совсем другое в глазах ребёнка, яркое дополнение к волшебной стране, в которой он живёт. Но впереди перемены в волшебной стране: она, если очень сильно захочет, может быть там же, где и ты. Куда бы ни поехал, и где бы ни находился.

Стук колёс поезда ритмично отбивал чечётку. А за окнами мелькали густые леса, поляны, болота, озёра, реки и горы; незнакомые города, деревни и станции...

– Прокл, вставай! Пора обедать, – разбудила мать, доставая из пакета копчёную колбасу, овощи и хлеб, а потом и ещё что-то; отец тем временем принёс горячий чай в граненых стаканах, с подстаканниками, какие встречаются в поездах.

Проснувшись, Прокл слез со второй полки плацкартного вагона и, перебравшись на нижнюю, уселся у окна.

– Мы уже в горных краях. Здесь много леса, и нет пустынь, – произнёс отец.

Прокл уставился в окно; он вспомнил Уркмантур, где прошло его детсадовское детство. Теперь он уже совсем большой, пора идти в первый класс, – и эти перемены ждали его в совершенно других краях. Родители решили переехать из жаркого пустынного Уркмантура

в далёкие горные края: в Горноград, где ландшафт был совсем другим, где была настоящая зима, – с морозами, сугробами и ёлками.

Поев колбасы с овощами и хлебом, запив сладким чаем с печеньем, Прокл прихватил с собой яблоко, и снова забрался на верхнюю полку. Лёжа на животе, он с хрустом стал его поедать, наблюдая, как меняется мир за окном вагона.

Горноград

Первое сентября, школьная пора, – ряды разноцветных цветов и детские лица, не вполне понимающие всю торжественность момента, но уже осознающие грядущие изменения, которые уготовила им жизнь. В глазах искра, радость, страх – всё вперемешку. Как будто в одно мгновение исчезло беззаботное детство, а впереди школа, знания, учебники, учителя, уроки, классная доска, чтение, правописание, школьная форма, указка, пенал, ручка, карандаш, линейка и ещё то многое, что до этого было знакомо так мало. Ну а после перемена, за ней другая, а потом последний урок и – домой; а ещё: выходные и двор, куда ты выходишь гулять, новые друзья и – вот оно детство. Никуда не делось, лишь обогатилось школой.

Школа Прокла находилась на небольшой горе, а гора эта была вблизи городского пруда. Часть окон школы выходила на сам пруд, – вода в нём была чистейшая, и по нему, от одного берега к другому, ходил речной трамвайчик, а ещё катались на лодках и катамаранах. Посередине пруда был небольшой островок, и на нём рос маленький лесок с забавными деревцами, несвойственно для осенней поры усыпанными распустившимися цветками. Прокл любил те уроки, что проходили в классах с выходящими на пруд окнами. Он сидел на заднем ряду, прямо у окна. Сам урок проходил мимо ушей, зато островок и речной трамвайчик были в его мыслях. Он представлял себе, как играет на острове, лазит по деревьям, дожидается у берега прихода трамвайчика и садится на него, плывёт по пруду, а потом обратно на островок. Эти фантазии быстро разлетались, прерываясь очередным звонком на перемену.

После учебного дня Прокл шёл домой вместе с одноклассниками, живущими с ним в одном дворе. Его дом находился далеко от пруда, ближе к центру Горнограда, так что путь его совсем не проходил мимо водоёма, находившегося в черте города. Придя домой Прокл обедал, и потом выходил во двор. Там он ещё мало кого знал, но стоило дождаться хотя бы одного из одноклассников, как начинались игры; случались и знакомства с другими детьми во дворе. Так пролетела осень, и наступила зима. Все оставалось по-прежнему: школа, двор... Вот, только, видневшийся из школьных окон пруд заледенел, и покрылся снегом; по нему уже не ходил речной трамвайчик, не катались на лодках и катамаранах, а островок стал лишь еле заметной снежной горкой.

Зима, холодная и снежная, прошла в валенках, в толстом зимнем пальтишке и шапке ушанке; не то, что в Уркмантуре, – там такое одеяние было бы экзотикой. Была и новогодняя ёлка, как в школе, так и дома, а также куча сладостей и мандаринов. Потом – живительная весна со звонкой капелью, журчанием ручейков, щебетом прибывших с зимовки птиц. А за ней и зелёное лето, последний урок и – на каникулы, ура!

Прокл вприпрыжку бежал домой, размахивая портфелем. Был солнечный и тёплый день. Сегодня они договорились с друзьями, что пойдут на пруд. Поэтому Прокл спешил; забежав домой, он быстро поглотил все, что было на обед, переоделся и выбежал во двор.

Он был первым, остальных ещё не было; мальчик уселся на качели, с нетерпением оглядываясь по сторонам: так где же приятели, обещавшие поход на пруд?.. Наконец они появились: Лёха, Саня по кличке Мятый, – из-за фамилии, и Андрей-Ходуля; а Ходуля потому, что его походка в действительности напоминала ход на больших цирковых ходулях. Впрочем, как и его рост – мальчик был на голову выше своих товарищей.

– Привет Прокл!

– Здорово Мятый, Лёха!

– Привет!

– Ну, что пойдём?

– А куда?

– На пруд конечно!

- Понятно и так, Мятый. На какое место?
- Пошли на Бабы Титьки.
- Какие-какие титьки?
- Увидишь, Прокл. Так там одно место называется.
- Да пошли уже!

И дружная четвёртка отправился в путь. Всю дорогу они рассказывали друг другу байки, шутили и смеялись, радовались наконец-то начавшимся каникулам. Показывали Проклу город и те места в нём, где он ещё не бывал.

И вот потянуло свежим воздухом – пруд был уже рядом. Впереди болотце, с болотной травой и каштанами, а прямо по нему протоптана тропинка, кое-где местами, где особенно сыро, обложенная досками. Друзья резво вышли на тропинку и, преодолев болотце и небольшой лесок из кустарников и деревьев за ним, вышли на полянку прямо вблизи водоёма.

- Вот тебе и Бабы Титьки! – чуть не хором сказали друзья Проклу.
- Вот видишь эти два холмика, они и есть...
- Похоже.

Действительно, здесь вдоль берега стояли два практически одинаковых холмика, уходя в воду лишь краешком. Сильно бросающимся отличием было то, что верхушка одного холмика была с затоптанной залысиной, без растительности, другая же была полностью покрыта травой.

- Ну, и как вода?
- Ещё холодная!
- Сейчас посмотрим... Раков ловить пойдёт, по колено зайти можно!

Прокл подошёл к воде и посмотрел на друзей, которые, закутав штанины до колен, стояли в воде.

- Прокл, заходи! Научим раков ловить!
- Сейчас!

Ещё раз осмотрев всю водную гладь пруда, он не нашёл там ничего, что так восхищало его со школьных окон. Был остров, и, как оказалось, не один; но оба они были пусты, и лишь на одном красовалась пара маленьких кустарников. А где речной трамвайчик? Его в помине нет... А катамараны, лодки? Всего одна какая-то, да и то – скорее всего, на ней кто-то рыбачит.

- А речной трамвайчик, он ещё не ходит?
- Что?
- Трамвайчик!
- Куда ходит? – удивились друзья.
- Да здесь, прямо по пруду?!
- Ты что, с дуба рухнул?
- Ребята, да над ним подшутил кто-то!
- Точно!
- Да у нас в городе вообще трамваев нет!
- Тем более тех, что по воде ходят!

Тут стоящая в воде троица засмеялась хором. Прокл ощутил глупое смущение и покраснел. Больше никаких вопросов; пока – это уж точно.

– Трамваи я видел и катался на них, когда мы ездили в большой город. Но и там они ходили по земле, по рельсам!

- Я тоже видел! А что тебе ещё сказали, Прокл?
- Да ничего. Вон, лодки-то хотя бы плавают!
- Лодки-то конечно.
- А скоро и на катамаранах плавать будут.

- На катамаранах? – произнёс Прокл. – Хоть это мне не показалось...
- Ну, хватит уже о лодках!
- Давай раков ловить.
- Прокл, снимай штiblеты, закатывай штаны и в воду!
- Хорошо, парни!

Прокл быстро стянул обувь, закатал штаны, и по примеру товарищей зашёл в воду.

- У-ух, холодно!
- Ничего, привыкнешь.
- Теперь смотри.
- Смотрю.
- Да не так! Нагнись как я. Смотри – вода прозрачная.
- Вижу.
- И что видишь?
- Да ничего.
- Камни видишь?
- Да.
- Вот под ними и надо смотреть.
- Как?
- Потихоньку.
- Прокл, ты осторожно камень приподними...
- Приподнял.
- И что?
- Пусто!
- Ищи другой.

– Ай, что это там!

– Где? – спросил Ходуля, подойдя к Проклу. – А-а, рак. Сейчас я его!

Нагнувшись, Ходуля достал из воды рака, схватив его за панцирь. Рак извивался хвостом, щупальцами, усами, и всё норовил ущипнуть руку Ходули клешнями.

- А вот и первая добыча!
- Ты раков-то видал?
- Не-а, первый раз. А что мы будем с ним делать?
- Кушать.

– Еще нескольких поймает, и пожарим на костре, – ответил Ходуля. Махнув рукой, он закинул рака на берег, подальше от воды. – Потом найдём, куда не денется.

Охота на раков продолжалась. Через полчаса и на счету Прокла был один рак, пойманный собственными руками. Рак изловчился больно ущипнуть руку мальчика, но Прокл всё же удержал его и выкинул на берег. Всё дело было в особенности хвата за панцирь, – этот урок Прокл усвоил. Тем временем Лёха, Ходуля и Мятый успели выкинуть на берег с пяток раков каждый, а то и больше.

- Может, хватит?
- Давай костёр разводить.
- Пора.

Выйдя на сушу, все занялись поисками дров. Дрова нашлись, да и спички тоже. Попытки с двадцать первой костёр всё же разгорелся – опыта в таких делах у юнцов было ещё маловато.

- Ну, наконец-то!
- Да спички просто сырые, и дрова тоже!
- Горит... Раков-то собрать надо.
- Пошли Прокл, соберём! – предложил Лёха.

– Пошли.

Найдя их на полянке, хватая сразу парами, они сносили тех ближе к костру в одну кучу. Раки были еле живые и никуда не расползались. Костёр тем временем хорошенько разгорелся, и дрова перестали добавлять. Через некоторое время раки уже лежали на раскалённых углях, постепенно краснея.

– Доставай, Мятый!

Мятый вытаскивал готовых раков из костра палкой. Дав немного поостыть, ребята брали их в руки, вырывая у них съедобные хвосты и клещи.

– Бери, Прокл!

– Ничего сложного нет. Делай, как мы.

Прокл взял рака, и проделал с ним то же, что и ребята. Наконец очистив часть хвоста от оболочки, он вкусил белого мяса.

– Вкусно!

Такого Проклу есть ещё не доводилось.

– Ещё бы!

– Зря мы тут, что ли, мокли!

Закончив трапезу, ребята стали собираться. В костре уже тлели последние угольки, в небе запорхали ночные мотыльки, хотя до ночи ещё было далеко; солнце опустилось, и грело уже не так тепло, как днём.

– Идём, что ли, по домам?..

– Кушать так охота, – добавил Андрей.

– Да уж, это сколько надо раков съесть, чтобы наесться! Особенно тебе, Ходуля.

– Много. Пошли, завтра во дворе встретимся!

– Пошли.

И все направились обратно в город, по домам. Прогулкой и ловлей раков мальчишки нагуляли хороший аппетит, а та горсть крохотного рачьего мяса, что они съели, лишь раззадорила желудок. Дойдя до своего двора ребята быстро распрощались, добравшись до дома пропахнувшими костром и ужасно голодными.

С привычкой мечтать

Лето пролетело; большинство дней Прокл провёл с друзьями у пруда. Они ловили раков, купались, а если везло, и вблизи оказывался свободный понтон, то плавали на нём, отталкиваясь от дна длинными шестами, и часто удирая от шпаны, которая, при виде сопливого экипажа, так и норовила забрать судно или пойманных ими раков. В эти моменты адреналин зашкаливал: это были настоящие, рискованные погони. Часто шпана была сама на понтоне, и тогда это и вовсе напоминало пиратский абордаж, – если, конечно, им удавалось нагнать Прокла и его друзей. Были случаи, когда уносить ноги от захватчиков приходилось по суше.

В тех же неприятных случаях когда их всё-таки ловили, мальчишки получали подзатыльники и весомые удары коленом чуть пониже спины, а также лишались всех раков, если таковые имелись.

– Да вы что, пацаны! Мой брат Сачок недавно вернулся, слышали наверное?.. Возьмите раков, забирайте! Не бейте только меня! – так обычно выходил из положения Мятый.

– А я – с ним! Пожалуйста, не бейте, я о вас знаю! Слышал, вы сильная банда, – раки ваши! – как всегда извивался Лёха.

А вот Прокл и Ходуля так не умели, да и брата Сачка у них не было. Уж больно глупо-наивно-простые они были, поэтому им больше всех и доставалось. Но даже такие деньки не так уж сильно портили картину весёлых, интересных, забавных, впечатляющих, захватывающих, познавательных летних каникул. За это лето Прокл повзрослел, познал дружбу, узнал про всякие плохие штучки в человеке, чем непременно наделён последний. Штучки – это корысть, зависть, предательство, обман и всё то, сталкиваясь с чем в других, человек взрослеет, и с пониманием того, что это есть, и от этого никуда не деться, он живет.

За этим постепенным взрослением Прокл очень сдружился с Андреем-Ходулей. Может, потому что он был таким же простаком, как и Прокл, а может, всё дело в этих самых штучках, – кто его разберёт...

– Поехали!

– Далеко?

– Садись на багажник! – вместо ответа сказал Ходуля.

И они мчались по городу: Прокл на багажнике, – раз своего велосипеда нет, а Ходуля за рулём. Они, словно путешественники, добирались до отдалённых и незнакомых мест этого небольшого городка, вновь открывая и изучая их. Так и прошли последние недели летних каникул. Дальше Прокл с Ходулей уже редко виделись, так как во время учёбы Ходуля практически не выходил во двор.

И вот – осенняя и школьная пора. А там и зима; уроки и домашние задания. Научившийся наконец-то хорошо читать Прокл тут же пристрастился к книжкам, и был записан в библиотеку.

Всё реже выходя во двор, он стремился в библиотеку; брал книгу, за ней другую, он был поглощён новой страстью. Ведь там – неведомые миры, герои, приключения. И всё это так захватывало Прокла когда он читал, что, будь то сказка, быль, приключения, фантастика, детектив, – он всегда себя ощущал центром происходящего, воплощаясь в действующем персонаже. Отрываясь от чтения, в первые минуты мальчик путал вымышленный мир с реальным: мог попросту забыть своё настоящее имя, присвоив имя героя, и созерцать не маленькую комнатку, где он только что читал, а, к примеру, таинственный замок средневековья. И лишь потом постепенно приходил в себя.

– Ого! Замок Нон-барона...

– Прокл, иди ужинать, – прокричала из кухни мать.

– Да графиня... Тьфу! Да, мама!

Он шёл, торопливо поглощал свой ужин. А последние минуты перед сном вновь был с книжкой, уносясь в невероятные приключения, события, баталии. Борьба добра и зла, – в книгах было так чётко определено где первое и где второе... А в реальной жизни, – где оно, различие?... Отрываясь от чтения, Прокл задумывался над этим вопросом. Где та явная грань отличия плохого от хорошего? Её нет, или так просто не увидишь; она – внутри каждого из нас. А то, что внутри нас, может ли оно быть правильным?... Путаясь в этих вопросах, Прокл совсем сбивался с толку. Мечты же – они так просты, в них нет предела, нет границ, там ты можешь всё; за них нет никакой ответственности, и это так удивительно... Как отказаться от такого!

– Парня со двора сегодня хоронили, – с кухни тихо донеслись слова отца, недавно вернувшегося с работы. Прокл уже находился в своей комнате, в постели.

– Кого? – спросила мать.

– Того долговязого, что всё с нашим на велике катался.

– Ходуля, что ли? Андрей, вроде...

– Да, его.

– Как, что случилось? Вот вроде только...

– Бабки у подъезда шептались, что рак у него обнаружили. Начались осложнения, его увезли в больницу. Там он и умер, от рака. Врачи и сделать ничего не смогли.

– Вот беда-то какая у людей...

«Какие такие раки?» – подумал Прокл, не поняв всего смысла произнесенного. «Что он их, зимой, что ли, ловил? Пацаны говорили, их можно только летом ловить, а зимой они спят... В больнице-то как эти раки оказались? Ничего не понятно... Ну, да завтра всё сам узнаю», – решил про себя мальчик.

Зима прошла. Ещё много книжек прочитал Прокл за это время, и заимел ещё большую привычку – мечтать. А про Ходулю он так и не разобрался, что с ним и как он. А может, и не хотел, попросту выдумав для себя, что тот просто уехал, как однажды они с Уркмантура. Может, скоро и обратно приедет; и они будут вновь рассекать на велике, а летом вместе ловить раков, а не таскать их зачем-то по больницам... Но Ходуля так и не приехал.

Наступило ещё одно лето, каникулы, пруд, раки, – всё это, но уже без своего длинного друга. И мальчик ощущал это всем своим существом. Больше не было такого понимания и доверия ни в ком: ни в Мятом или Лёхе, ни в остальной детворе, с которой он играл. Так и пролетели летние каникулы, и Прокл уже смирился с мыслью, что, скорее всего, больше он Ходулю не увидит. Наступила осень, зима. А потом весна и лето, и снова зима; а там – и ещё пара школьных лет.

«Пиратики, пиратики

летели на воздушном шарике.

Кинжалы и мечи

остры, как и все их клинки», – сочинил однажды Прокл, вдохновлённый очередной книжкой. Для стихов он завёл специальную тетрадку, и это четверостишие было его первым произведением, продолжение которого обязательно должно было последовать. Но, как он ни мучился, рифм и слов для продолжения путешествия воздушных пиратов так и не нашёл. Впрочем, мальчик и сам не понимал – откуда у него на языке завертелись пиратики на воздушном шарике, и что они будут делать дальше.

Тогда он задумал от стихов сразу перейти к написанию прозы: приключенческого романа «Космический найдёныш», – так он решил назвать его. Может, там и вылезут эти самые пираты на воздушном шаре; тогда уже там он и решит, что с ними дальше делать. «Звездолёт обрушился на чужую и неизведанную планету, и останки разнесло по большой степи. Длинноногие инопланетные существа обнаружили ещё живого мальчика – единствен-

ного, кому посчастливилось выжить...» – так начал Прокл свой роман; а дальше длинноногие приютили и вырастили этого мальчика, и найденыш научился бегать со скоростью ветра. И вот, по всей задумке, где-то уже должны были появиться те самые пираты, но все не появились...

– Пиратики, пиратики, на воздушном шарике! Ха-ха-ха! – как гром среди ясного неба прозвенело в ушах Прокла во время перемены. Тетрадку, где был написан стишок про пиратов, и сразу следом «Космический найдёныш», он всегда хранил в портфеле, но никогда не доставал в классе. Тем более, что она резко отличалась от школьных тетрадок – вся обложка была разрисована змеями, чудищами и уродцами, которых так любил придумывать Прокл. Видимо по ошибке, вместо тетрадки по математике, он кинул на парту эту, а сам поспешил в другой угол класса, где одноклассник хвастался коллекцией марок.

– Пиратики-пиратики! – ещё раз ударили по уху выкрики любопытного насмешника.

В момент покраснев и разозлившись, Прокл кинулся к насмешнику:

– Отдай, чертила! Не твоё!!

Но это не остановило наглеца: носясь по рядам и прячась за спины одноклассников, которые то и дело задерживали Прокла, он продолжал читать, щедро добавляя от себя и смешивая все интонацией:

– Папа, папочка, когда мы прилетим на планету? А там и правда есть океан? Зря я удочки из дома не прихватил. Вот бы рыбы наловил, со спиннингом! Когда потом обратно прилетели бы, вот мамка нажарила б! Ха-ха-ха! – И весь класс вторил нахаленку.

– Отдай тетрадь, а то всю рожу раскрошу!

– Тэкс, тут чевой-то про существа... А-а, вот! Длинноногий, понимаешь, инопланетянин... ка-ак взбзднет!

Наконец добравшись до шутника, Прокл выхватил тетрадь, попытавшись другой рукой ударить обидчика. Но тот увернулся, быстро перескочив на другой ряд.

– Да там и читать-то больше нечего! Успокойся!

– Да пошёл ты! Козёл! – выкрикнул Прокл. До боли сжав тетрадь в кулаке, он пулей вылетел из класса. Разъярённый, ворвался в школьный туалет, разрывая бедную тетрадь на части. Мелкие обрывки он покидал в унитаз, и стал терзать большие куски, превращая их в жалкое крошево, и также бросая следом. Разорвав и кинув в унитаз последнее, Прокл дёрнул за верёвку, и смыл бумажный сор в канализацию.

– Тварь! Твари!! – злобно шипел Прокл, ударяя об стену совсем ещё детскими кулачками.

Потом, помыв руки как после чего-то грязного и успокоившись, он вышел из туалета. Настроившись на продолжение насмешек, он покорно направился к классу. Но не успел и дойти, как обнаружил, что всё обошлось – последний урок отменили из-за отсутствия учителя. Мальчик увидел, как одноклассники покидают класс, шумно благодаря отсутствующего педагога за неожиданно раннее окончание учебного дня.

Последней вышла красавица Нэля, – первая девчонка в классе, о дружбе с которой мечтали все её одноклассники мужского пола, да и сам Прокл исключением не был. Она шла рядом с тем шутником, который читал секретную тетрадку Прокла. Шутник болтал о чём-то, размахивал руками, и явно приводил Нэлю в восторг – та смеялась звонко, и так божеественно приятно для мальчишеского слуха... Но на этот раз её смех жгуче резанул Прокла. Она обернулась, словно почувствовав его боль, и посмотрела на него как-то ехидно, – так показалось мальчику; улыбнулась, отвернулась, и продолжила свой путь, в очередной раз звонко засмеявшись на реплики своего попутчика. Это было для Прокла ударом молнии. Он встал как вкопанный, сердце заколотилось, кулаки сжались от непонятной обиды, отчаяния и злобы. Простояв ещё так с пару минут и несколько успокоившись, он добрался до разде-

валки, накинул пальто, и за плечи школьный рюкзак, и побрёл домой, дав себе слово никогда больше не сочинять всякие глупости на бумаге.

Долг чести

Прошли школьные годы. Прокл повзрослел, и в его жизни наступил тот самый момент, когда пора отправляться в места, где все ходят в одинаковой форме, с песней и в строю; туда, где в повседневности присутствуют все прочие атрибуты армейской жизни. Да – стране нужны солдаты.

Ранним майским утром Прокл проснулся от дребезжания будильника.

– Что, уже? – Казалось, вот только что уснул после своих проводов в армию, а он уже затрезвонил, этот чёртов будильник...

Быстро одевшись, и стараясь никого в квартире не разбудить, Прокл добрался до кухни, и утолил жажду после вчерашней попойки рассолом из трёхлитровой банки с огурцами. Закинув старый, потёртый рюкзак за плечи, – в нём ему уже было приготовлено в дорогу, он вышел на улицу и направился к вокзалу, где, в ожидании призывников, уже стоял состав. Освежающий майский воздух ударил в ноздри, выветривая остатки похмелья и наполняя лёгкие воздухом последней гражданской свободы.

– Вот и ещё один счастливчик! – сказал человек в военной форме.

– Что?

– Имя, фамилия? – спросил военный.

– Прокл, Мечтающий.

– Хорошо, есть такой. Проходи в вагон, сынок, – посмотрев в свой список, ответил военный. – С собой спиртное, наркотики?..

– Нет.

– Это мы ещё обязательно проверим... Проходи. Так, а это кто у нас? Кто такой, фамилия? – продолжил военный своё обращение, но уже не к Проклу, а к парню, которого буквально тащили к составу на руках его товарищи. Видать, на проводах он хорошенько перебрал.

– Синий я, Иван Синий! – пробухтел неловкими губами новоиспечённый призывник.

– Есть такой, заходи! Как там тебя?.. – обратился военный ко всё ещё находящемуся в тамбуре Проклу.

– Прокл.

– А-а, точно. Вот ты и бери за ручки своего будущего сослуживца, и – в вагон!

– А мы?..

– А что вы?

– Давайте мы своего друга в вагон и проведём! И попрощаемся заодно.

– Вот здесь и прощайтесь. Ну, а коли тоже в армию хотите, то милости просим в наш вагон!

– Нет уж! Спасибо, товарищ генерал, мы уж как-нибудь здесь, на гражданке!

– Во-первых, майор. Ну, а во-вторых, до встречи! – ответил военный, поднимаясь в вагон за Мечтающим и Синим.

Вскоре зашипели струйки воздуха, весь состав сдвинулся, ударяясь буферами о друг друга, и поезд тронулся. Провожающие галдели и махали руками, догоняя окна, за которыми находились их родные. Слезы матерей, напутствия отцов и друзей, обещания любимых девочек верно дожидаться весь срок службы – всё как и положено в таких случаях, но Проклу уже было всё равно: забравшись на вторую полку плацкартного вагона, он быстро уснул под умиротворяющий стук колёс о рельсы.

* * *

– Подъём! – оглушающим воплем пронеслось в сознании, – как суровый приговор, начало другой жизни. Быстро соскочив с полки, Прокл стал быстро напяливать на себя военную форму.

– Быстрее салаги! Ещё десять секунд, и я должен всех наблюдать в строю! – ударил по ушам громкий бас сержанта, шагающего неторопливыми, мерными шагами по проходу меж кроватей; руки его были небрежно засунуты под ремень, который пребывал в незатянутом положении, и посему находился куда ниже, чем было положено по уставу.

«Салаги» в торопливом угаре стали выбегать в строй, на ходу поправляя форму, застёгивая пуговицы, и засовывая кончики кое-как намотанных портянок в сапоги.

– А ну-ка, стадо мастодонтов... Смир-рна!

Руки по швам и вытянув подбородки, рота новобранцев выполнила команду строгого сержанта, с грустью вспоминая мамину стряпню, девчонок, вино и свободный воздух гражданки, – здесь даже дышалось как-то по-иному.

– Рота! Вспышка с тыла! – прокричал другой сержант, вошедший в расположение.

Как стояла, рота упала на пол, укрыв затылки руками.

– Очень медленно! Рота! Встать! Вспышка с тыла! – скомандовал заново первый сержант. И, для лучшего усвоения плохо пройденного материала: – Рота! Встать! Вспышка с фронта!

Урок торопливости, столь нужный в армии, усваивали ещё с десятков раз, а в промежутках особо нерадивым ученикам досталось пара лёгких тумачков, что, впрочем, даже помогло им в обучении. Потом сержанты провели инструктаж на тему: военная форма, как носят и в каком виде она должна пребывать; отсутствие щетины на лице, окантовку волос сзади, белоснежную подшиву на воротничке: всё это тоже было проверенно сержантами. А после – утренняя пробежка, с натиранием мозолей на непривычных ступнях молодых бойцов о грубую юфть новеньких армейских сапог.

– Рота стой! – скомандовал сержант.

Толпа молодых бойцов остановилась в три ряда, тяжело дыша после изнурительной пробежки, и уставилась благодарными глазами на своего неутомимого сержанта, который после бега даже не покраснел, и уж точно не покрылся потом, как остальные.

– Пять минут перекур, потом в роту – умыться перед завтраком. Разойтись! – продолжил сержант.

Бойцы разошлись, в основной своей массе двинув в курилку. Прокл подошёл к деревьям, что росли вдоль дороги между казармами и плацем, и встал там, рассматривая одну из рот, чеканно марширующую по плацу.

– Ты кто?

– Прокл.

– Ты кто?!

– Рядовой Прокл, солдат! – не зная уже, что и отвечать на вопрос деловито подошедшего к нему старослужащего, отрапортовал Прокл.

– Кто ты?..

– Человек! – выкрикнул Прокл, и подумал: «Чего тебе надо, рыжий, мерзкий шкет?..»

– Запах ты мерзкий, а не человек! Понял?! – пояснил рыжий старослужащий.

Прокл промолчал в ответ.

– Закурить есть? – продолжил Рыжик.

– Нет. Не курю, – ответил Прокл.

– Ну, ты совсем наглый! Ещё и не курит... Боксёр, что ли?..

– Нет.

– Стреляйся тогда, рыба бескостная! Молись, чтоб не в мою роту попал, а не то – кирдык тебе пришёл. Понял?! – Одновременно с последним словом Рыжик взмахнул ногой, намереваясь наподдать Проклу по пятой точке, но тот умудрился подставить руку, и сапог лишь проскользил по кисти. Удар получился несильным, и боли практически не было, но дискомфорт в душе остался.

– Стреляйся, дух! – напоследок многозначительно предложил Рыжик. Отстав от Прокла, он побрёл к своей казарме.

Бывшие в курилке бойцы наблюдали за всем, делая выводы для себя и размышляя: а как бы поступил в такой ситуации каждый из них. Громогласно рассуждая, они покидали курилку, направляясь в казарму.

– Надо было ему рожу разбить, к чёртовой матери!

– А я бы его просто послал!

– У тебя же были сигареты, нам вчера по пачке выдавали, – подойдя, сказал Проклу Иван Синий.

– Но я же – не курю, – ответил Прокл. Достав пачку, он протянул её Синему. – Бери, тебе нужнее!

– Спасибо друг! А то, что там кто-то кому-то набил бы – это всё работа на публику... Не бери в голову!

– А я и не беру! – ухмыльнулся Прокл.

– Пошли быстрее, а то и умыться пер ед столовой не успеем...

– Ага.

Пропустив вперёд Синего, Прокл посмотрел в сторону дальних казарм. Там Рыжик уже подошёл к своему барaku. Перед дверью стоял здоровенный детина, – скорее всего, тоже старослужащий, он встретил Рыжика затрепанным. В ответ тот шустренько достал пачку сигарет из внутреннего кармана, и вручил её детине. В благодарность тот загнал Рыжика в казарму пинком.

«Такие вот дела, – подумал Прокл. – В армии одна и самая главная истина: каждый желает напрячь другого, и никуда от этого не деться. А может, и не только в армии...»

– Рота! Строится!

– Рота! Шагом марш!

– Рота! Окончить приём пищи! Встать!

– Рота! Строится! Шагом марш! Песню за-апе-евай!

И потом ещё много-много раз «рота строится», «рота отбой», «подъём», «рота, вспышка с тыла», «с фронта», «упали-отжались», «бегом марш», «гусиным шагом пошли», «на турниках повисли», «подтянулись», «на брусья перешли», «делай раз, делай два», и – долгожданный отбой. Так и пролетела учебка молодого бойца перед присягой, до которой теперь оставалась лишь одна ночь.

– Прокл, ты спишь? – спросил Синий.

– Эй, запахи бесплотные! Ещё один шум, и вся рота мне всю ночь рептилий на кроватях сушить будет! – прогнусил в ответ полусонным голосом сержант. – Отбой была команда!

– Что надо? – немного погодя ответил шёпотом Прокл.

– Тебя в какую часть приписали?

– В сорок девятую.

– Меня тоже!

– Ну и хорошо, давай спать, – желая спать и уже зевая, предложил Прокл; да и кроме того, опасаясь, что из-за них всем грозит сушка рептилий – одно из тяжёлых физических упражнений, некогда придуманное пытливым солдатским умом. Заключается оно в том, что солдат, вытянув всё тело над кроватью, опирается на обода кровати руками с одной стороны,

и ногами – с другой; так и висят до тех пор, пока сержант не отменяет сушку, или совсем не иссякают силы.

– Сегодня мне один черпак из сорок восьмой сказал, чтоб все, кого направили в сорок девятую часть, стрелялись – там всех душками фигарят! Блин, чего только не скажут!

– Спи! Душками какими-то... – Так и не поняв, о чём это болтает Иван, Прокл ушёл в царство морфея, – в армии путь туда короткий, как нигде.

Душка-часть

– Я, Мечтающий Прокл Саннович, торжественно клянусь, и присягаю своей Родине... – чеканил присягу Прокл, отныне – рядовой.

– Встать в строй!

– Есть!

– Я, Васечкин Василий Васильевич, торжественно клянусь...

– Встать в строй!

– Я, Пипкин Пётр Адольфович...

– Встать в строй!

– Я, Синий Иван Борисович, торжественно клянусь...

– Встать в строй!

– Я! Я! Я! – звенело в ушах у Прокла, пока последний из бойцов учебных рот не прочитал присягу, торжественно клянясь в верности Родине.

– В этот торжественный и знаменательный день я поздравляю вас, вы приняли присягу, и теперь вы солдаты и защитники своей Родины! – продолжил генерал, – командир дивизии. Он говорил ещё много, с чувством, толком и расстановкой, пока наконец-то не закончил заготовленную речь, отдав уже принявших присягу бойцов в распоряжение их командирам.

– Рота смирно! Напра-во! В расположение шагом марш! – скомандовал ротный учебной роты Прокла.

Это был тёплый летний день: самые первые деньки лета и последний учебный день. Присяга была принята, и завтра всех должны будут разобрать по местам, где им предстит служить. После присяги не было никаких занятий, строевых, физической зарядки; весь день отдыхали, потом был обед, ужин, и, наконец, отбой.

– Рота подъём! – влетело в сознание как удар об колокол, в котором ты случайно уснул, приводя в чувство и возвращая к действительности. Как стали ненавистны Проклу эти два слова всего за месяц!

Рота строиться! Разойтись! Умыться! Строится! В столовую шагом марш! Рота встать, окончить приём пищи! В расположение шагом марш! Рота строится! Рота! В столовую шагом марш! Рота встать! Обед закончен, пора и в роту...

– Рота строится! – команда последовала, как только рота пришла из столовой. В расположении помимо ротного и командиров взводов, появился ещё один офицер. Это был толстый, очкастый великан в звании лейтенанта.

– Рядовой Синий! – прозвучала команда ротного, держащего в руках список.

– Я! – ответил тот.

– Баклушин! Пипкин! Петров! Сидоров! Мечтающий! Обдолбаев!

– Я! – ответил каждый.

– Выйти из строя!

– Есть!

– Вы отправляетесь для дальнейшего несения военной службы в сорок девятую часть! – пояснил ротный, и продолжил: – И поступаете в расположение лейтенанта Титькина, командира третьей роты сорок девятой части.

Синий с Обдолбаевым ухмыльнулись – их явно позабавила фамилия теперешнего ротного; что, впрочем, он заметил, и сурово нахмурил брови.

– Названным рядовым ровно минута забрать свои вещи из тумбочек, и построится в одну шеренгу перед ротой! – скомандовал Титькин.

Бойцы метнулись к своим тумбочкам, похватили вещи и выстроились, как было приказано. И едва последний из семи встал в строй, Титькин скомандовал:

– Рядовые Синий, Баклушин, Пипкин, Петров, Сидоров, Мечтающий, Обдолбаев! Направо! Из расположения на улицу – шагом марш!

– Удачи, парни! – шепнул Синий оставшимся в роте бойцам.

– Разговорчики прекратить! – обрубил Титькин. И, как только бойцы вышли на улицу, рывкнул: – В два ряда становись, за мной шагом марш!

Пройдя весь плац, бывший самым большим в дивизии, на котором же и состоялась присяга, они дошли до тёмно-серого, унылого четырёхэтажного здания; если бы не окна, что отождествляли это здание с казармой, больше оно напоминало бы склад с боеприпасами, или даже бункер.

– На четвёртый этаж шагом марш!

Казарма показалась ещё унылее и мрачней из-за плохой освещённости. У тумбочки стоял дневальный, и весь он был какой-то потрепанный и убогий, в зашмыганной и грязноватой форме. Открыв рот, солдат хрипло прокричал:

– Дежурный на выход!

Навстречу ротному выбежал солдат слегка лучшего вида чем тот, который стоял на тумбочке; впрочем, этот сильно хромал на одну ногу.

– Товарищ лейтенант! За время несения мною дежурной службы происшествий не произошло...

– Отставить! Построй в одну шеренгу молодых, – приказал Титькин. – Я пока к себе, но скоро выйду!

– Есть!

Лейтенант Титькин ушёл в свой кабинет, а хромой дежурный отдал команду:

– В одну шеренгу становись!

Бойцы выстроились в ряд, а хромой тихо прошипел:

– Стреляйтесь молодёжь, всю ночь у меня сегодня потеть будем!

– Как драный веник летать будете! – вторил убогий дневальный.

«И нам что – вот этих убожеств теперь бояться?» – подумал Прокл, невольно улыбнувшись.

– Ты чё скалишься? Совсем страх потерял?!

– Тебя тут, что ли, бояться! – Улыбнувшись, округлил глаза Прокл.

– Ах ты! Ну, да после отбоя посмотрим...

Но тут появился ротный. Пузо горделиво покачивалось впереди, а сам он чинно шагал по коридору, осматривая с высоты своего роста новобранцев, что были явно ниже его, и не в пример худее.

– Да что это такое! У меня детородный орган больше, чем талия у этих бойцов! С каждым годом призыв всё хуже и хуже... Откуда только таких уродов набирают!

Дневальный с дежурным улыгнулись, в душе явно присоединяясь к словам ротного.

– Смирно! Упали, отжались! – прокричал ротный. Но не вмиг разобравшиеся в тонкостях столь душевного приёма бойцы сориентировались не сразу. – Я сказал – упали! Сразу сообразив, молодые быстренько упали, приготовившись к отжиманию. – Раз, два, три... Ниже опускаемся, я сказал! Ниже! Четыре, пять...

Отжавшись с два десятка раз, бойцы начали пыхтеть и сопеть – справиться с третьим десятком было под силу не каждому.

– Встать, бойцы! С этого момента забудьте про мамины пирожки и все остальные нежности несуральной гражданской жизни. Жизнь вас теперь ждёт настоящая, мужская, смысл которой – Родину защищать! Так что выбрасывайте свои сопливчики, забудьте про мамино уютюкание! Теперь и отцом и матерью для вас буду я; я буду вас и воспитывать, и кормить. Так что никогда не забывайте, кто ваш воспитатель и кормилец! Понятно? Не слышу ответа!

– Так точно!

– Отдыхайло!

– Я! – ответил дежурный.

– Распределишь молодых по свободным местам!

– Есть!

– Устроить в роте приборку!

– Есть!

– Я у себя.

И ротный исчез в своём кабинете.

– Так кто тут самый говорливый? Ты, что ли?! – прошипел дежурный, подойдя к Проклу.

– Отдыхайло, кончай! Завтра дембеля из караула вернутся – не дай бог хоть один синяк на молодом увидят, тебе же первому попадёт! – предупредил дневальный.

– Сам знаю, что трогать нельзя... Ещё пожалуется образина эта... А так бы огрѐб у меня по-полной!

Теперь и Синий усмехнулся.

– А ты чѐ скалишься?! Налево, в расположение шагом марш!

Прошагав с десятков шагов по коридору, бойцы оказались в большом помещении. Эта казарма была больше, чем та, что в учебке. По левую и правую сторону стояло множество рядов двухъярусных кроватей. Здесь вполне могла уместиться сотня солдат.

– Разойтись! – продолжил хромоногий дежурный. – Двое любых ко мне, ослы! Покажу ваши места... Вот ваши временные, на вторых ярусах, – пока рота не пришла. Еще двое... Ваши вот эти, ещё двое... А, это ты, образина... Куда бы тебя разместить?.. Точно! Вот здесь и будешь.

Указав последнее место на втором ярусе Проклу, хромоногий удалился из расположения, наказав напоследок:

– Пока свои мыльно-рыльные принадлежности по тумбочкам разложите, а вечером в каптѐрке получите бельѐ!

– Да, достанет тебя этот чертила! – подойдя к Проклу, сочувственно произнёс Синий.

– Ничего, как-нибудь переживѐм, – ответил Прокл.

– Да, видать здесь не сладко... Не зря нас пугали! – вмешался Пипкин.

– О чѐм это вы? – спросил Баклушин.

– А где, интересно, вся рота, – вот о чѐм мы, Баклуша! – ответил Синий.

– В карауле. А этих хромых и убогих, что здесь в казарме ошиваются, их в караул не берут ввиду их физического и умственного отставания и недоразвития! – пояснил Обдолбаев. Судя по всему, он больше остальных был осведомлѐн о жизни в армии.

– Молодёжь, строиться! В туалете возьмѐте вѐдра с тряпками, и чтоб вся казарма блестяла! Так что шевелитесь!

Не особо охотно бойцы поплелись за орудиями для уборки. Впрочем, уже в глубине души осознавая, что чистота в армии не менее важна для солдата, чем любовь к Родине. В подобных хлопотах быстро пролетел день.

Ближе к вечеру вся рота вернулась из караула в полном сборе. Войдя в казарму с шумом, топотом, галдѐжом, лязгом автоматов за плечами, солдаты повзводно построились в коридоре перед канцелярией. После чего рота устремила в комнату для хранения оружия, чтобы его сдать. И каждый, кто сдавал оружие, вновь становился в строй. Прокл же с остальными находились в расположении, усевшись рядом на табуретках.

– Смотрите, взирайте на этих чудовищных монстров, именующих себя дедами, дембелями и прочей нечистью... – тихо и как-то зловеще философствовал Обдолбаев.

– Духи, духи! – зашипело в ушах у Прокла. Звуки эти донеслись из коридора.

Впечатлительному Проклу сразу померещилась свора больших шипящих и извивающихся в тёмном коридоре змей.

– Прокл, ты чё! – толкнув его в плечо, произнёс Синий.

– Да так, задумался что-то...

– Молодое пополнение! Строится! – истошно прокричал дневальный.

– Пошли!

– Ага!

– Будем знакомится с дедами, – пробормотал Обдолбаев.

– Угу.

– Шевелись, молодёжь! – грозно прокричал один из сержантов.

– В одну шеренгу перед ротой становись! – голосом, скатившимся до самого тихого, прохрипел дежурный.

Молодёжь прибавила обороты, быстро построившись перед ротой. Из канцелярии вышел лейтенант Титькин, и, как всегда, пузо шло впереди.

– Рота смирно! К нам прибыло молодое пополнение, оно будет проходить дальнейшую службу в нашей роте. Зам командирам взводов выйти из строя!

– Есть!

– Сержант Аминахун!

– Я!

– Рядовые Мечтающий, Обдолбаев, Синий!

– Я! Я! Я!

– Шаг вперёд. Будите числиться в первом взводе, у сержанта Аминахуна. Направо к сержанту Аминахуну шагом марш.

Баклушин и Пипкин ушли во второй взвод, остальные же попали в третий.

– Прошу любить и жаловать, а также не обижать. В случае невыполнения последнего вся рота у меня начнёт интенсивно помирать на очередном марш броске! Зам командирам взводов распределить молодёжь по местам. Разойдись!

Отбой-подъём, вот и начались будни армейской жизни. Попадание в дремучий лес, где столько всего нового и непонятного. Незнакомые лица старослужащих, наставляющих тебя на истинный путь армейской жизни. На команду офицера или сержанта отвечаешь чеканно «Так точно!», вместо привычного «да» или «я согласен». Утренняя пробежка, – ах, зачем меня мама на свет родила! Поход в столовую становится настоящим праздником для вечно голодного желудка, и положенная порция моментально оказывалась внутри, потому что работать ложкой ты научился виртуозно. Выйдя из столовой словно француз, должный покидать трапезу с чувством лёгкого голода, бежишь в строй. Вспоминая о той порции, что была съедена, мечтаешь, что не плохо было бы её увеличить раза в три, не говоря уж про разнообразить. Со строевой и песней направляешься в роту, а в голове одни только мысли: о лучшей жизни вне стен армии.

Служба караульная

Это был мёртвый город, разделённый на районы; и вокруг каждого – высокий, с колючкой наверху, забор и плюс ещё один забор – уже вокруг всего города. Чисто убранные улицы, здания, в окнах которых были лишь стёкла, а за ними – ничего. И – ни единой живой души, лишь иногда появляются люди в белых комбинезонах, быстро пробегая из одного здания в другое.

С десяток вооружённых автоматами солдат шли строем по асфальтовой дорожке, ударяя каблуками в ритм «левой-правой». Они направлялись к местам постов, где должны будут сменить уже отстоявших своё время часовых. За строем шёл сержант, командуя чётко и громко, пусть и с небольшим акцентом:

– Раз, два, левой! Раз, два, левой! Выше коленки! Ход поубавили, а то с рельсов сойдём!

Этот строй больше напоминал паровоз, – солдаты отбивали так же дробно, как и колёса железнодорожного состава. Руки же их совершали круговые движения против часовой, словно толкатели в поездах.

– Так! Чего разогнались? Не видите, что впереди опасный поворот? Сбавили обороты! Гудок!

– Дуу, дуу! – истошно завопил Синий, предупреждая всех и каждого о приближении бешеного паровоза.

– Так молодцы, поворот прошли на отлично, а теперь ускоряемся. Впереди далёкая, и пока не видимая за чертой горизонта дорога на дембель!

И тут паровоз разогнался, пуце прежнего застучали колёса.

– Пары!

– Пшш, пшш! – зашипели ребята.

– Гудок!

– Дуу, дуу! – прогудел Синий.

– Впереди шлагбаум! – ещё громче заорал сержант Аминахун.

Это он часовому, что стоит впереди на посту, к которому и приближается локомотив. Тот в свою очередь, быстро прыгнув с грибка, подбежал и перегородил дальнейший путь паровозу. Грибок – это небольшой навес для часового: столб, на котором прикреплён телефонный аппарат, и круглая крыша над ним. Впрочем, часовой уже довольно умело успел превратиться в шлагбаум, согнувшись буквой «г» и издавая звуки сирены.

– Сбавили обороты! Потихоньку остановились у шлагбаума!

– Тэк-тэк, тэк-тэк!

– Выпустили пары!

– Пшш! – постепенно затихая, зашипели ребята; вплоть до полной остановки паровоза.

– Вот и прибыли, товарищи пассажиры, к первой станции. Забрать одного пассажира, оставить другого. Остальным – оставаться на местах!

«Шлагбаум» вдруг разогнулся, и строевым шагом подошёл к сержанту:

– Товарищ сержант, за время несения боевой службы...

– Отставить! Брысь в вагон!

– Есть!

– Рядовой Мечтающий, на выход!

– Есть!

– К посту шагом арш!

– Есть!

– Паровоз! Кругом, шагом арш! Раз, два, левой... Выше коленки. Гудок!

– Дуу!

– Прибавить обороты!

Отдаляющимся стуком об асфальт паровоз утащился от поста, оставив на нем Прокла. Пост был оборудован вблизи высоких закрытых ворот, через которые вероятнее всего проходил настоящий,двигающийся по рельсам состав, а не тот, что в кирзовых сапогах и по асфальтовой дорожке; рельсы здесь были уже, чем на обычной железной дороге. Далее, по обе стороны от ворот, уходил забор с путаной колючкой поверху. Рельсы появлялись из леса, и уходили через ворота в огромное бетонное здание с большими, и так же закрытыми воротами. Само же здание походило на выстроенный людьми объект лишь со стороны поста; с других сторон это была всего лишь гора, покрытая землёй, травой, а на вершине даже росли деревья.

Прокл стал под грибок. Взяв в руки телефонную трубку, доложил:

– Рядовой Мечтающий на пост номер один заступил!

– Принято, – последовал ответ дежурного, сидевшего в помещении караула.

Зелёный лес за высоким, колючим забором шуршал листьями, щебетали птички, жужжали насекомые, ярко светило солнце, прячась порой за редкими облаками, ползущими по голубому небу... А солдат Прокл стоял и мечтал о таком же нежном и тёплом лете, но только без сапог, формы и колючего забора. А ещё он представил женское тело, и его образ в этот миг был божественным. Постепенно картинка становилась всё более ясной, вырисовывалось нечто знакомое, черты становились узнаваемыми до боли... Да, конечно, это божественное имело имя: Нэля. Как же сильно он хотел бы увидеть её прямо сейчас! И может, тогда у него появились бы силы и смелость сказать всё то, что тысячу раз говорилось в мечтах... Но нет. Вот грибок, вот забор, на котором сверху путаная колючка, – Прокл быстро вернулся к реальности; что, впрочем, нисколько не помешало ему вновь мечтать и вспоминать.

На провода Прокла Нэля пришла не одна; с Сирасиком. Сирасик был довольно близким товарищем Прокла, и бывшим его одноклассником, оставшимся однажды из-за плохой успеваемости на второй год. Когда началось застолье они сели рядом, и как-то отделились от шумной компании, проболтав весь вечер о своём; в перерывах между разговорами Нэля звонко смеялась. Каждый всплеск её смеха доносился до Прокла, пронзительно вонзаясь в сердце и страстной истомой напоминая о чувствах, которые он испытывал, и в коих хотел бы исповедаться непременно, но нужной обстановки, как, впрочем, и смелости, всё никак не находилось. Опрокинув уже не первую рюмку спиртного, и обретя смелость, Прокл наконец-то попытался пригласить свой объект вождения на очередной танец, но ему почему-то отказали.

– Прокл, спасибо, этот танец занял Сирасик. Правда, Сирасик?

– Конечно. Извини, друг! – буркнул тот.

– Хорошо! – ответил Прокл и удалился прочь, в ожидании очередного подходящего момента и снова собираясь с духом.

Подзаправившись ещё несколько раз, Прокл совершил очередную попытку. Но едва он подошёл, как Нэля сразу встала, и ушла по каким-то своим делам. Тогда Прокл сел на её место, предложив Сирасику выпить с ним. Тот и без того был уже в хорошей кондиции, но от предложения выпить не отказался. Нэля где-то задержалась, и товарищи тяпнули ещё пару раз. После чего у Сирасика с Проклом началась бесконечная беседа об их хорошей и близкой дружбе, о том, как же они всё-таки друг друга уважают, и какие они всё-таки уважаемые люди.

– Вот как на духу мне скажи, скажи... – твердил Прокл.

– Скажу! – сильно икнув, ответил Сирасик.

– Что у вас с Нэлей?

– С какой такой?.. А-а, с Нэлей... Да ничего, а что...?

– Да вот, понимаешь, она такая... такая... Короче, я её...

– Что ты её?..

И в этот момент Нэля появилась. И была она не одна, а с высоким и симпатичным парнем. А как она улыбалась ему, а как она смотрела на него, утопая в его взгляде!..

– Вот шалава! Со щёголем каким-то... – очень раздосадовано произнёс Прокл.

– Да ты моих друзей оскорблять! – возмутился Сирасик.

– А ты, петух гамбургский, и вообще молчи!

– Что, кого...?

– Пошли, гамбургский, выйдем на улицу. Там и разберёмся! – предложил Прокл. А в душе такое отчаяние, досада: и при чём тут Сирасик?..

– Пошли! – уверенно ответил друг.

Они покинули квартиру, и вышли во двор. Бывшие рядом гости, даже не сразу поняли, что между парнями назрел конфликт. А те, кто заметил, несколько погодя вышли во двор.

– Ну, что! Давай, бей, давай! Жду удара! – разгорячено прокричал Сирасик, скинув с себя футболку и оставшись с голым торсом. Он выставил вперёд кулаки и смотрел зло, но все же от идущего вперед Прокла пятился.

– Да не хочу я драться!

– Боишься! Давай биться, а то я сейчас тебе просто так рожу разобью!

Сделав ещё пару шагов назад, Сирасик споткнулся, плюхнувшись мягким местом на круглую деревянную площадку карусели, и, ударившись, о железную втулку тыльной частью головы, закричал от боли:

– Ах ты, гад! Драться, да из-за чего!?

– Да люблю я её! – истошно проорал Прокл. Шагнув к карусели, он со всей силой крутанул её; так, как если бы от этой скорости зависел весь личный успех его дальнейшей жизни.

– А-а-а! А-а-а!

К этому времени половина гостей выбежала во двор – поглазеть на голосистую разборку. Остальные вышли посмотреть с балкона или уставились в окна, как, впрочем, и большинство жильцов всего пятиэтажного дома...

– Люблю я её... – еле шевеля губами произнёс Прокл, задрал голову к небу. Словно ища там помощи.

Но там её не было. Да и вообще – в животе заурчало; желудок просил еды, любой, пускай и не самой вкусной и привлекательной. По небу пролетела пара уток, – видимо, где-то неподалёку находится водоём. Дичь сразу представилась в готовом жареном виде, но только в голодной фантазии Прокла больше напоминала курицу, – такую аппетитную, сочную, что даже слюнки потекли. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда: от всех любовных мук и воспоминаний ничто так не отвлекало в армии, как вечное желание что-нибудь съесть.

– Дзэн, дзэн! – зазвенел висящий под грибком телефон.

Прокл взял трубку:

– Рядовой Мечтающий на связи.

– Ты что, тело бесхребетное, совсем всякий страх потерял?! – прокричал дежурный, что находился у пульта связи в караульном помещении.

– Что случилось, товарищ ефрейтор?

– Что случилось! Третья мировая война, товарищ солдат! Вы проспали доклад, который должны доносить до моего слуха каждые полчаса!

– Рядовой Мечтающий, на посту номер один без происшествий...

– Поздно солдат! Вас объявили предателем Родины, и вы приговорены к расстрелу. Из-за вашего несвоевременного доклада я был вынужден поднять по боевой тревоге всю дивизию.

зию. А там дошло и до главнокомандующего всей нашей доблестной армии, так как пост, который вы охраняли, есть самый секретный и важный для нашей страны. А коль охраны на нём не стало, то решение оказалось одно: поднять вверх ракеты, и направить их на потенциального врага. Поздравляю вас! Вы стали причиной третьей... – Тут связь на мгновение оборвалась, и послышался голос сержанта.

– Кончай придуриваться, дежурный! Короче, Мечтающий, кончай там о бабах и маминых пирожках мечтать! Ещё раз пропустишь доклад, и пипец тебе!

– Есть не пропускать доклады, товарищ сержант!

– А о бабах будем думать мы, и о своих, и о ваших, дух ты бесплотный... А думать нам можно потому, что на гражданку мы вернёмся раньше, и любить будем их всех. Да так горячо и страстно, как ты, солдат, будешь нашу любимую Родину здесь беречь, стеречь и охранять. Ты понял, рядовой? Не слышу ответа!

– Так точно!

– Конец связи! – закончил на этом сержант, и положил трубку.

– Есть конец связи, – ответил Прокл, и подумал вслух. – Да, весёлые здесь ребята... Одно понять не могу: мою-то он как собрался любить? Во-первых, он далеко мне не земляк, да и щёголь у неё, – всем щёголям щёголь. Впрочем, не важно. У каждого, наверное, свои фантазии...

– А-а-а, А-а-а! – продолжал кричать Сирасик, постепенно убавляя звук. И карусель вскоре тоже сбавила обороты вращения.

– Эй, пацаны, вы что творите?! – подходя с распростёртыми руками, произнёс один из приглашённых приятелей. Обхватив Прокла и приподняв, он предложил: – Давай лучше бороться, кончайте тут всякой ерундой заниматься!

Когда Прокла приподняли, ему открылся лучший обзор толпы, вышедшей посмотреть на его причуды. За всеми стояла и Нэля, вместе со щёголем. Он ей что-то на ухо шепнул, она – мило улыбнулась; помотала головой, они развернулись, и вернулись в подъезд. И как только эти двое исчезли, из подъезда появились его родители – прорываясь через толпу, они направились к карусели, чтобы угомонить сына.

Как только ноги Прокла оказались на земле, он крепко обхватил приятеля-борца, и попытался побороть его. Глухое отчаяние владело его душой, и – досада на самого себя. Но вслух он только и сказал, что:

– Какой же ты олух гамбургский...

К этому времени Сирасик перестал кричать, – карусель остановилась. Парень попытался выбраться из неё, но как только оказался на ногах, его заштормило так сильно, что он не смог удержаться, и изо всех сил шлёпнулся на землю тем самым многострадальным местом, что уже познакомилось с каруселью. Упавший громко икнул, и, несмотря на всё пережитое, слова Прокла расслышал. Несколько подумав, возмутился:

– Я не гамбургский, сам такой!

Дух же Прокла совсем обмяк, а вместе с ним и его силы. И пьяному приятелю-борцу ничего не стоило сделать бросок, и самому обрушиться сверху на упавшего. Крепко ударившись спиной и затылком о землю, Прокл на миг потерялся, в глазах всё поплыло.

Он помнит крутящуюся карусель, силуэты людей, потом появившуюся закуску на той самой карусели, повсюду бутылки со спиртным, всё время кто-то о чём-то говорил, хохотали; его обнимали, играла какая-то музыка, кто-то ругался, где-то лаяла собака, телу стало холодно, стемнело, и – лишь на мгновение неотчётливое лицо Нэли, попрощавшейся с ним:

– До свидания, Прокл, хорошо тебе отслужить. Пока!

– Давай!

А потом сразу – звон будильника, от которого в голове возникла боль, и всё совсем перемешалось. И вот он уже снова в своей кровати, в родной квартире. Ему надо быстрее одеваться, армия ждёт. Он так и вышел из квартиры, никого не потревожив...

– Дзэн, дзэн!

– Рядовой Мечтающий на связи.

– Паровоз подошёл?

– Какой паровоз?.. Никак нет!

– Который по рельсам ходит, остолоп! Ладно, сейчас к тебе наш ключник на пост придёт, так что встречай. Как только паровоз к воротам подойдёт, мне сразу доложи, чтобы я сигнализацию отрубил. Понял?

– Так точно!

– Да, и ещё: ты хоть вблизи паровоза не стой, когда он через пост будет проходить. Если, конечно, хочешь ещё после армии девушек радовать...

– Так точно!

«О чём это он?» – так и не понял Прокл.

– Эй, часовой!

– Стой кто идёт! – прокричал Прокл, на мгновение испугавшись. Приготовившись ко всякой неожиданности, он вскинул автомат, и всмотрелся в того, кто окликнул его.

– Ефрейтор Замков, с сопровождением! – ответил ключник.

– Позывной! – потребовал Прокл. Хорошо запомнив, что говорилось в караульном уставе о том, что к часовому так просто не подойти. Вводную на позывной меняли каждый день; в этот день позывным была цифра шестнадцать. Прокл продолжил: – Девять!

Ключник немного замешкался, – то ли у него было плохо с математикой: нужно было назвать цифру, которая в сложении или вычитании получила бы шестнадцать, то ли просто забыл вводную.

– Девять! – повторил Прокл.

– Да погоди... Это семь! – наконец ответил ключник.

– Проходите, – разрешил Прокл.

Замков вместе с сопровождением, – а это был рядовой Обдолбаев, зашли на пост; в руке Замков держал большую связку разных ключей. Он был полным, с отросшими не по-армейски волосами и густой щетиной на жирном до блеска лице. При ходьбе он сильно сопел, пыхтел, потел, и переваливался с ноги на ногу. По возрасту он выглядел намного старше остальных, и как-то совсем не походил на солдата.

– Привет! – только и успел сказать Обдолбаев, как истошно завопил гудок приближающегося состава, уже давно сбавившего обороты. Степенно остановившись перед воротами, теплопаровоз выпустил пары.

– Что встал! Докладывай в караул, что парик пришёл, – скомандовал ефрейтор Замков, ласково обозвав париком дизельный паровоз, а сам направился к воротам здания.

– Хорошо, – ответил Прокл, схватив трубку. – Рядовой Мечтающий, на пост номер один парик... тьфу! – паровоз пришёл. На посту без происшествий!

– Хорошо, скажи Замку, что вырубил. Пускай открывает. Как только ворота закроете, мне сразу доложить!

– Есть!

– Долбанный, что встал? Ко мне! – уже открыв все замки в воротах, прокричал Замков на Обдолбаева, до сих пор остававшегося рядом с Проклом.

Обдолбаев бегом поспешил на помощь, и вместе они открыли ворота. Теплопаровоз тронулся.

– Отошли подальше, оружие на изготовку! А то вдруг враг не дремлет, и решит завладеть нашим мирным атомом, – скомандовал ефрейтор Замков. Сам он был не вооружён, и

остался рядом с рельсами. Прокл же с Обдолбаевым, наслушавшись историй от бывалых солдат о вреде радиации, отошли назад шагов на десять, держа, как и наказал ключник, автоматы наизготовку.

Теплопаровоз тихоходом прошёл через пост. Позади него был лишь один вагон, непонятной ромбообразной, а по углам округлой формы; в центре его красовался красный значок, посередине которого было нарисовано ядро, и три симметрично исходящих от него луча. Прокла завлёл этот значок, ему так и виделось, что его лучи продолжают, плавно переходя из красного в фиолетовый, но это была лишь игра солнечного света. А потом он увидел в профиль лицо ключника: всё оно было теперь в язвах и мерзких гнойниках, волосы на голове сильно поредели, а во рту вместо зубов чернели уголья. Сердце ёкнуло. И тут из леса, через ворота, вбежала стая бешеных макак с жёлтыми копьями в руках. Часть из них резво забралась на вагон, а остальные с диким оскалом бросились в сторону Прокла. Сердце заколотилось, руки сильнее сжали автомат и... вдруг в глазах прояснилось. С ефрейтором Замковым всё в порядке, а это не макаки, а куча жёлтых листьев из леса разлетелось по всему посту. Только вот, откуда они взялись в начале лета?..

– Ты чего? – спросил Обдолбаев.

– Да так, привиделось, – ответил Прокл.

– Бывает! Это с голодухи, – пояснил умудрённый Обдолбаев.

Проследовав мимо поста, теплопаровоз заехал в здание и исчез из виду, оставив после себя лишь запах сгоревшей солярки.

– Рядовой Мечтающий, пост номер один. Паровоз на объекте, ворота закрыты! – доложил Прокл, как только ключник вместе с Обдолбаевым закрыли тяжелые створки.

– Принято.

Закрыв ворота и в здании, ключник с Обдолбаевым отправились в караул. Через некоторое время пришла новая смена; правда, уже не весёлым паровозом во главе с сержантом Аминахуном, а просто строем в два ряда, сменив Прокла, и оставив нового часового.

Посты менялись: когда приходилось ходить по периметру всего объекта, когда стоять и на других воротах, уже для проезда автотранспорта, а также внутри зданий объекта, проверяя пропуски у гражданских в белых комбинезонах, – трудяг мирного атома. Проходили сутки, и караул меняла другая рота; рота же Прокла возвращалась в часть, загрузившись в грузовики, где молодые бойцы хором пели одну за другой незатейливые армейские песни до тех пор, пока машина не доберётся до ворот части. Проходили сутки в части, обратно в грузовики и – в караул. Вот так и проходила служба Прокла.

Как-то в части

– Там, в джунглях, кругом растяжки. Шаг, запал вылетает, снаряд разрывает, а там соби-рай свои кишки на ветках пальмы! Кругом дикие племена, – не дай бог попасться к ним пленным, живьём сожрут, – начал свой жуткий рассказ Пипкин.

Свой рассказ он завёл в мойке столовой части, а в слушателях у него оказались Синий, Прокл и Баклушин. А ещё пяток их сослуживцев в это время мыли на кухне и в обеденной зоне полы. Всем им выпала честь в этот день заступить в наряд на дежурство по столовой. Но перед этим все те, кто находился в мойке, успели выкурить пару косяков марихуаны; естественно так, чтоб никто не заметил и не унюхал, а особенно – сержант, который был старшим наряда. Для некурящего Прокла это был первый в его жизни опыт, так что зацепило его крепко.

– А ты-то откуда такие подробности знаешь? – спросил Синий.

– Брат там побывал. Насмотрелся там... Как выпьет, так ночью бредит: ка-ак закричит! Меня к себе позовёт, и давай мне истории в деталях рассказывать... Жуть!

– Отличная штука, вот это зацепило! – похвалил уже выкуренный косяк Баклушин...

– Да, у меня тоже знакомый с кокосовой войны вернулся...

– Из-за каких-то кокосов... Да зачем они только нужны, погибать ради них!

– Оставили бы в покое этих диких, пусть сами свои кокосы жрут!

– Да вот, говорят, продукт этот больно полезен. И для еды его, и ткани из него всякой нужной вытянуть можно, и топливо, я слышал, сильное... Нам без него – никак! В мире еще столько других бабуинов на этот кокос зарится! Глядишь, соберут всё что можно, а там и на нас попрут...

– Лажа всё это... Пускай политики сами – автомат в руки, и в джунгли. А то ради такого полезного продукта столько пацанов простых там помёрло!

– Хорош базарить! О чём мы спорим? Идёт война, всё равно идёт!

– Точно, хорош. Ты, Пипа, что-то ещё рассказать хотел?

– Ну. Как-то раз братан ушёл из дома, и – нет его. Третий день пошёл, а его всё нет. Меня родичи его поискать отправили. Так я вначале к своему другу зашёл...

– Постой ты, о чём чешешь? Ты же о брате хотел рассказать!

– Ха-ха-ха!

– погоди, послушай, я о нём и говорю!

– Отстань ты! Пускай рассказывает, как может.

– Друг у меня есть, Кефаль кличка. У него мать в рыбном гастрономе работает, так он ей там помогал часто. Всё от него рыбой пахло, вот мы его так и прозвали.

– Кефаль!

– Ха-ха-ха!

– Кончай ржать! Короче, прихожу я в рыбный, говорю: Кефаль, друг, хорош тут кам-балу елозить...

– Ха-ха-ха!

– Ничего смешного! Они просто её из холодильника в коробках достают, мороженую. Потом друг от друга отдирают, а там стол такой длинный, железный, – так они её по столу кидают, она катиться, а с другой стороны её в корзину собирают. И всё – на витрину. Вот я ему и кричу: Кефаль, кончай елозить!

– Ха-ха-ха!

– Опять ржут... Ну всё, Кефаль освободился, с ним и пошли братана искать.

– Про Кефаль ты нам чё паришь?

– Ха-ха-ха!

– Слушай, ты! Так вот, встретили знакомого одного, он и сказал, что брата моего в парке видели. Мы в парк, а там праздник, – какой-то военный, что ли... Все в форме, народу много, пьяные все. Давай искать. Ищем, значит, разделились. Вдруг слышу: «Кефаль! Кефаль!» – кричит кто-то, а голос – брата моего! «Кефаль! Глухарь тебе в ухо нагадил, совсем не слышишь! Кефаль!!»

– Ха-ха-ха!

– Ну и увидел брата – на лужайке сидит, с бабой какой-то, в руках пиво. Кефаль наконец-то услышал что его кричат, и тоже стал к брату подходить. И два моряка, в форме на скамейки сидели, спиной к брату, тоже встали и к брату направились. «Ты кого тут кефалью оскорблять пытаешься, мазута береговая, крыса серогорбая?!» – это уже матросы брату предъявляют.

– Ха-ха-ха!

– Ну, брат им и отвечает, типа: «Вам в канализации плавать, и там права качать!» И – понеслась махаловка! Мы с Кефалью брату на помощь, так меня тут же сразу и вырубили... А дальше помню – сидим уже с водкой, всё в том же парке, братан с моряками об армии базарит, Кефаль с его бабой почему-то лобзается, а у меня глаз боли-ит... Потом синяк огромный был, разноцветный, месяц не сходил.

– Ха-ха-ха! Так ты же вроде про кокосовую войну хотел рассказать?

– Да. Так моряки тоже с войны вернулись! А ещё оказалось, что в одном бою участвовали. Только они на воде, конечно, а брат на суше. Так морякам кто-то неправильную наводку дал, что на одном из островов племя дикое засело. А там наши, – целая рота брата моего в засаде сидит, караулит этих дикарей, которые в этом месте должны через реку переходить. И тут наши моряки на катерах, да ка-ак вдарили! Да по своим же! Из всех орудий – от острова одни клочья летят! А ещё вертолётчики наши появились, да как давай по острову сандалить!

– Вот это да! А брат твой как...?

– Чудом выжил, а с ним ещё несколько бойцов. Уже после бомбёжки моряки на остров высадились, и давай обследовать – чего натворили. Подбитого и еле живого брата нашли, и в госпиталь. Потом оказалось, что начальство напутало, а племя то дикое успешно в другом месте перебралось. Брат и моряки говорили, что начальство это дикари купили, за много-много кокосов. А за кокосы там что угодно покупалось!

– Паршивая история, Пипа. Не мог, что ли, повеселее рассказать? Про Кефаль например, – сказал Синий.

– Ха-ха-ха! – раздалось как-то уныло.

– Эй, мойка! Вы там что разболтались? Почти у всех рот уже обеду конец. Идите за стол, поешьте, а домоете потом! – прокричал сержант через приёмное окно для посуды.

– Так точно! Идём!

Выбравшись из мойки, Прокл, Синий, Баклушин и Пипкин быстро уселись за стол в обеденном зале, тут же принявшись стремительно уничтожать положенную порцию. Остальной наряд уже сидел за столом, доедая свой обед.

– Так, Мечтающий! – произнёс подошедший к столу сержант.

– Я! – с набитым ртом ответил Прокл.

– Остаёшься за старшего, я ненадолго уйду. Понятно?

– Есть остаться за старшего!

– Точите жратву быстрее, посуда ждёт. Всё, я ушел! – напоследок произнёс сержант, удаляясь из столовой.

– Мой генерал! Какие будут указания? Может, вам за чёрной икрой сбегать, и бутылкой коньяка?... А то обед как-то слабоват, и не совсем приятен желудку! – положив свою руку на плечо Прокла, пошутил Синий.

– Не помешало бы! – ответил Прокл. А у самого в глазах все еще мутно. Впрочем, как и в сознании: крепко держит трава.

– Вот Кефаль друг был! Он даже иногда на улицу мне бутерброд с красной или с чёрной икрой выносил... – вспомнил Пипкин.

– Пипа! Опять ты со своей Кефалью!

– Ха-ха-ха!

В столовую буквально ворвалась последняя, ещё не отобедавшая рота. Первым вошёл офицер, за ним старший сержант, и следом уже – остальные солдаты. Добравшись до раздачи они были сильно удивлены испуганным ответом повара:

– Остался только суп и компот, второго не хватило...

– Что?! Набор ты суповой, я для чего с войны вернулся, в родную часть? Чтоб какой-то пентух в колпаке сказал мне, боевому офицеру, что жрать нечего?! – истошно, запинаясь на каждом слове, проорал офицер. Из рта его шёл сильный запах алкоголя, как, впрочем, и у старшего сержанта, тоже начавшего орать:

– Кто тут старший наряда?!

– Где старший?! – повторил вопрос офицер. Перед столовой они со старшим сержантом для аппетита накатили бутылочку, да, видать, без закуски.

– Он в обеденной зоне был, – всё так же испуганно ответил повар.

Слыша весь этот переполох, что творится у раздачи, обедавший наряд потихоньку скрылся из обеденной зоны: кто в мойку, кто в кладовые и подсобные помещения столовой. Единственным, кто остался, был Прокл. Врождённое чувство ответственности не позволило ему скрыться, раз его назначили старшим.

– Кто тут старший?! – снова прокричал офицер, выйдя в обеденный зал.

– Я, – тихо ответил Прокл.

– Громче! Не слышу! Кто тут старший!!

– Я! – значительно громче ответил Прокл.

– Представься боец, когда с тобой говорит офицер! – сказал офицер, подойдя к Проклу так близко, что тот поморщился от накатывающего волнами перегара. Остальная же рота вместе со старшим сержантом подтянулась, встав полукругом позади своего командира.

– Рядовой Мечтающий.

– Как так получилось, рядовой Мечтательный, что наряд не рассчитал порции на все роты, и моя доблестная рота вынуждена остаться голодной? Отвечать мне на вопрос!

– Не могу знать, как так получилось. Извините, что так, – совсем уж растерявшись, ответил Прокл.

– Слушай, боец, я тебя извиню, если сейчас увижу шестьдесят порций второго, с огромным кусками мяса в каждой!

Прокл оглянулся на стол, на котором только что обедали они, – там еще оставались не совсем пустые тарелки, в спешке покинутые поставленными в наряд: мяса не было и в их втором, лишь жидкая подлива на варёной картошке, с редкими мясными волокнами. Поняв, что положение становится всё хуже и хуже, солдат попытался найти поддержку у повара, которого он, встав на цыпочки и глянув поверх голов, едва углядел за раздачей. Повар поймал ищущий взгляд Прокла, и обреченно пожал плечами: нет, мол, второго, нет мяса; что он мог сделать, – он был таким же простым молодым бойцом, а не волшебником...

– Так нет, товарищ лейтенант, мяса, – честно ответил Прокл.

– Ну, трендец тебе тогда! – прокричал офицер. Он схватил Прокла за грудки, и вытолкал его на середину обеденного зала. Рота мигом сомкнула кольцо вокруг горемычного временно старшего наряда.

– Табурет мне, боец! Любой! – щёлкнув пальцами, произнёс командир.

– Бегом табурет! – повторил команду старший сержант. Несколько бойцов из голодной роты метнулись на поиски нужного предмета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.